

Упущенные возможности десятилетия

Почему Россия до сих пор не стала «нормальной» страной?

Минуло десятилетие существования постсоветской России, России без СССР и без КПСС. Десятилетие — прекрасный повод для подведения итогов и размышления о том, какие возможности за это время были упущены. Прежде всего замечу, что под упущенными возможностями обычно подразумевают упущенные хорошие возможности, хотя логически это неверно. В истории страны, как и в биографии индивидуума, в любой данный момент существует определенный веер возможностей, из которых реализуется одна. И невозможно, чтобы реализовывалась всегда самая хорошая или самая плохая. Среди нереализовавшихся, «упущенных» возможностей, несомненно, всегда есть и более хорошие, и более плохие, и «невезенье» должно компенсироваться «везеньем».

Эта простая мысль имеет определенное моральное значение. Люди склонны списывать свои несчастья на «невезенье», воспринимая, наоборот, все приятное как естественное и должное. Но если человеку или стране кажется, что им все время «не везет», то им надо задуматься — не является ли то, что им кажется невезеньем, просто естественным следствием их характера. Иметь подряд, скажем, три неудачных брака — это подозрительно, это должно навести на мысль, что дело, может быть, не в твоих женах, а в тебе самом. И так же подозрительно, когда «такому великому народу, как мы», все время попадаются какие-то неудачные правители. Вероятность того, например, что и Сталин, и Хрущев, и Брежнев, и Горбачев, и Ельцин — это все наши «неудачи», также мала, как вероятность при игре в орел и решку выпадения решки пять раз подряд.

Любое рассуждение об упущенных возможностях всегда является чисто гипотетическим (чтобы не сказать — гадательным). Возможностей всегда много. Есть более вероятные, менее вероятные и «чисто теоретические». Знать их все нельзя. Если мы сравним то, что казалось в прошлом возможным и невозможным даже очень умным людям, с реальной последующей историей, картина получится удивительная. Марксу, например, казалась возможной победа социалистической революции в Европе и в 1848, и в 1870 году. Но если бы кто-то ему сказал, что его учение станет официальной идеологией сначала в России, а затем в Китае, он бы возразил, что это принципиально невозможно.

Конечно, со времен Маркса мы продвинулись вперед в понимании социальных законов. Но наши знания и способности предугадывать отдаленные последствия тех или иных событий остаются ничтожно малы по сравнению с бесконечной сложностью исторического процесса. Нам всегда будет казаться, что была или есть какая-то возможность, которой на самом деле не было или нет, и, наоборот, мы можем не видеть вполне реальной возможности в прошлом и настоящем.

После этих предварительных замечаний я перехожу к своей гипотезе об упущенных возможностях. При этом разговор пойдет лишь об определенных возможностях: возможностях России стать «нормальной» демократической страной, выбирающей верховную власть на реальных альтернативных выборах, приносящих успех разным политическим силам, сменяющим друг друга у руля верховной власти.

Ясно, что диапазон возможностей развития России в течение последних 10-15 лет был относительно узок. Этот диапазон максимален на ранних этапах развития любого организма. Для ребенка наиболее значимы его первые месяцы и годы. Но дальше

диапазон возможностей все сужается, ибо человек уже состоялся, уже определились его характер, его физические и психические предрасположенности, он уже совершил важнейшие выборы своей жизни — выбрал ту, а не иную профессию, ту, а не иную жену и т. д. Лет в 50 у человека диапазон возможностей уже относительно узок. То же и с народом. Самый большой диапазон возможностей у России был на заре ее истории, когда все вообще могло пойти совершенно иначе. Например, выбор православия князем Владимиром по своему значению неизмеримо превышает все последующие «судьбоносные» решения альтернативных ситуаций. А в 1985 году, когда началась перестройка, Россия была уже сформировавшимся организмом, с устойчивой национальной психологией, памятью о своем прошлом, сложившимися привычками; это был далеко не «ребенок», из которого разные внешние обстоятельства и воздействующие на него лица и силы могут лепить разное. Тем не менее определенный веер возможностей перед ней был.

Если нашу историю начиная с горбачевского периода сравнивать с какой-нибудь азартной игрой, рулеткой, в которой выпадают то счастливые, то несчастливые «фишки», то, как мне представляется, вначале нам очень крупно повезло, мы «сорвали большой куш». Советская власть была обречена — это, я думаю, в доказательствах не нуждается. Но падение советской власти могло принять самые разные формы. Появление на посту генсека Горбачева, сознательно принявшего за демонтаж системы и последовательно осуществлявшего его целых шесть лет, было очень большим «везеньем», реализацией далеко не самой вероятной хорошей возможности.

При падении самодержавия, например, такая возможность не реализовалась. Теоретически Николай II мог быть человеком, сознательно решившим привести страну к конституционному правлению л. опять-таки теоретически, вся последующая история России при этом была бы другой, скорее всего — лучше. Но этого не произошло. Горбачев же оказался именно таким человеком — своего рода Милюковым «на должности» Николая II.

Люди обычно склонны "постфактум преувеличивать вероятность реализовавшегося исторического варианта — когда что-то уже произошло, им представляется, что так и должно было произойти. Но мне думается, что появление на троне самодержца, готового ввести конституцию (нереализовавшийся вариант), на самом деле было более вероятно, чем появление на посту генсека человека с идеями и стремлениями Горбачева (вариант реализовавшийся).

Шесть лет горбачевских реформ, последовательного демонтажа тоталитарной системы, в значительной мере подготовили народ к падению режима, и тем, что до сих пор у нас сохраняются очень многие демократические завоевания, мы, как мне представляется, в громадной мере обязаны годам подготовки. Горбачев — это колоссальное «везенье», по сравнению с которым все последующие «невезенья» не так уж велики.

Мог ли Горбачев удержаться у власти или он был изначально обречен? Я думаю, что удержаться у власти он вполне мог, но лишь ценой резкого замедления или даже остановки демократического процесса, консервации его на определенном этапе. Мне представляется, это был бы все же лучший вариант развития, чем тот, который реализовался, ибо медленное движение вперед, даже остановка на пути вперед — лучше, чем стремительный рывок, ведущий к откату назад. Быстрое революционное достижение свободы неподготовленной страной обязательно ведет к утрате этой свободы в новых, созданных революцией формах, и порожденные таким образом тирании часто оказываются значительно хуже, чем старые режимы. «Полуконституционная» монархия

1905-1917 годов не была демократией, но она была неизмеримо лучше, чем наступившая после недолгого разгула свободы в 1917 году тирания. Шесть горбачевских лет были той подготовкой, без которой падение советской власти могло стать просто катастрофой. И если бы эта подготовка длилась не шесть лет, а двадцать — было бы еще лучше.

В рамках этой реализовавшейся маловероятной хорошей горбачевской возможности было множество упущенных хороших возможностей: растянуть процесс, дать людям постепенно психологически перестроиться, подготовиться к свободе. Взвесить их, разобраться в том, какие — действительно реальные, какие же только кажутся реальными, практически невозможно. Приведу ряд примеров.

Горбачев проводит выборы народных депутатов СССР, а затем — выборы народных депутатов России и Верховных Советов республик. Так как в стране идет революционный процесс, Верховные Советы республик оказываются очень радикальными, значительно радикальнее общесоюзного съезда, и сразу же вступают в конфликт с центром. Иная последовательность, я думаю, могла бы задержать революционный процесс и распад СССР.

Далее. Горбачев, наверное, мог, пока не оказалось слишком поздно, пойти на реформу и переименование партии, сохранив ее тем самым как инструмент своей власти и реформирования. Он, несомненно, с удивительной близорукостью отнесся к опасности, исходившей от Ельцина, хотя мог бы увидеть ее раньше и мог не допустить его избрания главой Верховного Совета России. Могло не возникнуть заговора ГКЧП или он мог провалиться в самом начале, на стадии разговоров. И т. д. и т. п.

Разумеется, не реализовались и многие возможности, которые были очевидно плохими. Представить себе все последствия каждого из этих бесчисленных возможных вариантов развития мы не можем.

Но при всем этом, мне кажется, одной возможности точно не было. Я не в состоянии представить себе, чтобы Горбачев мог привести абсолютно не подготовленную страну к действительной демократии, подразумевающей наличие оппозиции, реально способной прийти к власти, и ротацию у власти разных политических сил. В лучшем случае он мог бы создать «полудемократический» режим с «безальтернативной» правящей партией (переименованной КПСС) при слабой правой и левой оппозиции, постепенно осуществляющий рыночные реформы и также постепенно демонтирующий СССР. Мы могли бы при этом избежать многой крови и многих разочарований. Процесс приватизации был бы медленнее, но менее грабительским. Было бы меньшее обнищание населения. Мы оказались бы сейчас несколько ближе к демократической норме. Но стать к настоящему моменту «полноценным» демократическим обществом мы бы все равно, я думаю, не могли. И нам все равно предстоял бы какой-то кризис перехода к реальной демократии, хотя, я думаю, после такой длительной подготовки он мог бы быть относительно мягким.

Революция, падение «старого режима» — всегда широкий веер возможностей. Так, если бы, например, конституцию ввел Александр II (вроде бы намеревавшийся это сделать, но не успевший) или даже Николай II (но добровольно, не как вынужденную уступку в ходе революции 1905 года), — революции 1917 года могло и не быть. Я не представляю себе, чтобы в 1917 году у нас могла возникнуть устойчивая республика. Но большевистский переворот в октябре, наверное, можно было предотвратить. Наконец, при несколько иных обстоятельствах, белые могли бы подавить большевиков.

Кажется, что все эти варианты были бы лучше, чем то, что произошло на деле, хотя вполне возможно, что это — иллюзия и мы просто не представляем себе тех бед, которые подстерегали бы нас на этих путях.

Но когда большевики победили, веер возможностей резко сузился. Конечно, он все равно оставался. Победы не Сталин Троцкого, а Троцкий Сталина, умри Сталин от случайной болезни раньше, победы не Хрущев, а Берия или Маленков — все это были бы несколько иные варианты истории. Хотя основные контуры развития были заданы революцией и победой большевиков. Все равно внутрипартийная демократия не могла не исчезнуть, марксизм не мог не окостенеть и не утратить свою идеологическую силу, какой-то культ какой-то личности не мог не возникнуть, не могло не быть форсированной индустриализации и коллективизации, на позднем этапе эволюции не могли не нарастать коррупция и олигархизация.

То же и при падении советской власти. Горбачев или серия случайных обстоятельств могли не дать «разойтись» революционному процессу, могли ввести его в рамки и растянуть во времени, преобразовав единый выброс энергии, после которого наступает бессилие, в плодотворное постепенное движение. Но раз уж процесс вышел из-под контроля, он развивается по своей логике. Падение СССР и КПСС в наших условиях — при полном отсутствии гражданского общества, каких-либо развитых партий, демократических традиций, при народе, привыкшем безропотно подчиняться власти и боящемся самого себя, наконец, в ситуации, когда власть с самого начала, со своего утверждения в качестве независимой верховной власти (беловежские соглашения), вступает в конфликт со стремлениями большинства народа, — неизбежно должно было привести к возникновению президентского авторитаризма. Конечно, мог попасться кто-то «поприличней» Ельцина, мы могли бы избежать кровавого переворота 1993 года (хотя какой-то конфликт между президентом и парламентом был неизбежен, он был заложен в совершенно неясном разграничении полномочий ветвей власти по унаследованной новым государством — Россией — «латаной» советской конституции и в том, что новая власть не имела достаточной поддержки в депутатском корпусе), но могло быть и еще хуже. Движение к авторитарному президентству, однако, было бы при всех вариантах. При захвате власти группой лиц, не сдерживаемых ни партийной дисциплиной, ни демократическими процедурами, вообще ничем, процесс приватизации не мог не превратиться в процесс разграбления государственной собственности и не сопровождаться резким обнищанием народа.

Может быть, у меня не хватает воображения, но я не вижу больших возможностей принципиально иного развития событий и не считаю, что реализовался самый плохой вариант. Например, мы счастливо избежали многих вполне вероятных после распада СССР конфликтов между бывшими «братскими» народами.

Были, конечно, и упущенные относительно благоприятные варианты.

Мне кажется даже, что не так давно была возможность первого в истории России избрания на высший пост человека, не назначенного сверху, что, разумеется, очень резко продвинуло бы нас к демократии. Такая возможность возникла в конце ельцинского правления в результате чисто субъективных и случайных обстоятельств. Ельцин очень долго не мог подобрать себе преемника. Элита в этих условиях начала «самоорганизовываться» и выдвинула не назначенного сверху и даже не одобренного Ельциным кандидата — Примакова. Чуть-чуть иная конфигурация обстоятельств, оказался Примаков, например, другим человеком или, вернее, оказался на его месте кто-то другой, задержись Ельцин с выбором преемника чуть дольше — и мы могли бы иметь

двух кандидатов «партии власти» и что-то очень близкое к демократическим выборам. Возможность была не так велика, но, по-моему, была.

Назначение Ельциным Путина, разумеется, один из множества возможных вариантов. Практически несомненно, что, кроме маловероятного стечения обстоятельств, о котором я "говорил выше, президентом бы стал любой ельцинский назначенец. Характер нашей системы политических партий и политических размежеваний таков, что любой кандидат левой или правой оппозиции для большинства населения — большее зло, чем кандидат партии власти, как бы плохо это большинство к власти ни относилось. Политическая культура и психология большинства, сформированные всей нашей историей — и царистским и коммунистическим режимами, и памятью о недолгом периоде свободы и неопределенности, приведшем к победе большевиков, гражданской войне и террору — таковы, что оно, большинство, всегда предпочитает определенность власти неопределенности свободы. Поэтому реальная борьба за власть у нас шла не на выборах президента, а в придворных интригах вокруг назначения преемника, победа которого на выборах была полностью предопределена. Именно эта борьба была овальная, и именно ее исход был альтернативен. Но что бы изменилось, если бы сейчас был не Путин, а кто-то другой, сказать очень трудно. Ясно только, что немного. Путин, по-моему, не самый хороший, но и не самый плохой вариант. Путин, конечно, вносит в политику и в историю нашей страны определенные «стилистические» особенности как хорошие, так и плохие), но то главное, что он делает сейчас, делал бы любой ельцинский преемник — он «упорядочивает» систему, пытается сделать ее более управляемой, борется с силами, порожденными революцией и плохо контролируемой властью (сепаратизмом, самостоятельностью региональных властей, «олигархами») и потихоньку дистанцируется от традиций революционного прошлого, утверждая свою власть как «нормальную» традиционную российскую власть.

Есть общие законы, общая логика победившей революции, и при всех колоссальных различиях революций 1917 и 1991 годов, они проходят общие циклы, поскольку и та и другая — победившие революции. 2001 год для нашей власти — это то же самое, что 1927 для советской. Это — время, когда в новых формах и новой символике все отчетливее утверждаются традиционные российские принципы отношений власти и общества, время упорядочивания, стабилизации и большой прочности постреволюционной системы.

Сейчас говорить об упущенных возможностях трудно, ибо никаких особых возможностей при теперешнем состоянии, по-моему, нет. Разумеется, наш режим, основанный на безальтернативности и, соответственно, независимости президентской власти, которая может плавно переходить от президента к назначенному им преемнику, затем утверждаемому на выборах, не вечен. Это — один из множества переходных «полудемократических» режимов, возникающих в странах, психологически и культурно не готовых к демократии, но не имеющих и каких-либо идейных альтернатив демократии. В конечном счете неизбежен его кризис, который откроет новый веер возможностей и станет мостом к реальной «альтернативной» демократии, являющейся нормой для современного этапа человеческого развития. Но это произойдет еще очень не скоро, не раньше того времени, когда активное сейчас поколение отойдет в мир иной.

Жизнь каждого из нас — это всегда один из бесчисленных возможных вариантов нашей жизни. Но хотя эти варианты и бесчисленны, их множество ограничено. И одно из важнейших ограничений — мы сами, наша личность, наш характер. Это определяет нашу судьбу значительно больше, чем все внешние и случайные обстоятельства. Многообразие

наших возможностей — это довольно монотонное многообразие. Мы проживаем одну их возможных жизней. Но в основных чертах все несостоявшиеся жизни были бы похожи на состоявшуюся, ибо главное, что их определяет — это мы сами.

Также и история страны: она всегда — один из бесчисленных вариантов возможных историй, рисунок которых определяется, однако, прежде всего культурой и характером народа. Наша культура, наш характер сформировались достаточно давно и прочно. И они определяют нашу историю значительно больше, чем все внешние и случайные обстоятельства. Эти обстоятельства иногда очень благоприятные, иногда — очень неблагоприятные. Но благоприятные и неблагоприятные уравнивают друг друга.

Поэтому особенно жаловаться на судьбу не стоит. Мы имеем то, что имеем и что заслуживаем. И мы можем утешаться мыслью, что хотя мы — страна, которой по всем параметрам еще очень далеко до передовых, развитых стран, есть много стран и народов, живущих при значительно меньшей свободе и в значительно большей бедности.

И еще одна мысль, которой можно утешаться: демократия — это необходимость на определенной стадии развития человеческого общества. И как на предыдущих стадиях все народы переходили от племенных к государственным системам, от «языческих» культов к развитым религиям, от культур, основанных на устном слове, к письменности и т. д. (а те, кто не мог перейти, — погибали), так и сейчас, при всем грандиозном многообразии путей развития разных стран и разных вариантов возможного развития каждой из них, приход к демократии в конечном счете неизбежен. Как народ мы так же никуда не денемся от демократии, как индивидам никуда не деться от определенных возрастов с их нормами, их тревогами и их проблемами.